

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 46

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложениемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. К. Шеллера-Михайлова, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 19-го ноября 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на $\frac{1}{4}$ года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 9.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906 г. Съ приложениемъ **40 книгъ** „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

Остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

и первые 10 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

К. М. Станюковича.

Безъ достав-ки въ Петербургъ . . .

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. И. Печковской, Петровскія линіи.

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ эк. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Рижельевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-кою въ Петербургъ . . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою во все мѣстности Россіи. . . .

8 р.

За границу. **12 р.**

Гг. новые подписчики, желающіе получить, кромѣ «Нивы» за 1906 г. со всеми приложениями, — еще **первые 10 книгъ М. Е. Салтыкова-Щедрина за 1905 г.**, доплачиваютъ: безъ доставки—1 руб. 50 коп., съ доставкой и пересылкой—2 руб.

Зима. Картина В. П. Овсянникова, авт. «Нивы».

Невѣста Варвара.

Повѣсть И. Н. Потапенко.

(Продолженіе).

Прямимъ результатомъ всего этого было то, что дьяконъ Велегласовъ вдругъ поднялся въ глазахъ общественаго мнѣнія. Хотя всѣ и до сихъ поръ считали его весьма почтеннымъ человѣкомъ, тѣмъ не менѣе, онъ былъ только дьяконъ и никто не оказывалъ ему больше почестей, чѣмъ заслуживало это званіе.

Церкви обращались съ нимъ нѣсколько свысока, а протопресвитеры третировали его, и ему приходилось стоять передъ ними чуть не на-вытяжку.

Теперь онъ замѣтилъ, что съ нимъ разговаривали почти какъ съ равнымъ. Казалось, духовныя лица губернскаго города учитывали на цѣлую четверть вѣка впередъ будущее архіерейство Михаила Велегласова.

Дьякона поздравляли, всегда при встрѣчѣ съ нимъ спрашивали его о Михайлѣ, о томъ, что онъ пишетъ, принялъ ли онъ уже монашескій санъ.

И, наконецъ, дошло до того, что однажды самъ архіерей пожелалъ услышать отъ него рассказъ о Михайлѣ.

Произошло это въ соборной церкви во время торжественнаго молебствія въ царскій день. Былъ такой обычай, что на подобныя молебствія въ соборную церковь пріѣзжали причты изъ всѣхъ остальныхъ городскихъ церквей.

Молебеніе происходило послѣ обѣдни, и всѣ причты, кончивъ обѣдню въ своихъ церквахъ, торопились въ соборъ, везли съ собой церковныя одежды. Здѣсь всѣ облачались и выходили на середину церкви, гдѣ священники становились врядь, по правую и по лѣвую сторону отъ архіерея, въ порядкѣ по чинамъ. Дьяконы же толпились за амвономъ позади архіерея.

Въ числѣ дьяконовъ былъ и Велегласовъ. Въ этотъ день онъ былъ очень утомленъ. При его тяжеловѣсной комплекціи, послѣ воскресной службы въ своей церкви еще ѣхать въ соборъ было подвигомъ.

Ему хотѣлось и ѣсть и спать и онъ дѣлалъ большія усилія, чтобы какъ-нибудь нечаянно глаза его не сомкнулись.

Послѣ молебствія онъ побѣжалъ въ алтарь, разоблачился и уже взялъ узелокъ съ церковными одеждами подъ мышку, собираясь уйти, какъ въ это время прибѣжалъ взволнованный молоденькій иподьяконъ.

— Здѣсь дьяконъ пригорода Велегласовъ?—спросилъ онъ.

Дьяконъ остановился.

— А что вамъ угодно?

— Васъ преосвященный къ себѣ требуетъ.

— Преосвященный?—съ изумленіемъ спросилъ дьяконъ.—А для чего я преосвященному?

— А ужъ это вы отъ него узнаете.

Велегласовъ не только не обрадовался этому, но даже скорѣе огорчился. Не любилъ онъ, когда его требовало высшее начальство. Большею частью это означало, что человѣкъ въ глазахъ начальства провинился и ему будутъ дѣлать строгое внушеніе. Очень рѣдко случалось, что начальство требовало къ себѣ для какой-нибудь доброй цѣли.

Но, подумавъ хорошенько, онъ пришелъ къ заключенію, что за нимъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ архіерея, не могло быть никакой вины.

Онъ оставилъ свой узелокъ въ притворѣ, а самъ послѣдовалъ за иподьякономъ въ главный алтарь, гдѣ еще находился архіерей.

Его подвели къ архіерею, онъ взялъ благословеніе и низко поклонился. Архіерей былъ уже безъ облаченія, въ черной муаровой ясѣ и въ клобукѣ.

— Это ты Велегласовъ?—спросилъ архіерей.

— Я, ваше преосвященство,—отвѣтилъ дьяконъ.

— Дьяконъ въ пригородной церкви?

— Въ пригородной, ваше преосвященство.

— Такъ это твой сынъ—Михайлъ Велегласовъ?

— Мой сынъ,—отвѣтилъ дьяконъ, въ эту минуту уже понявъ, для чего архіерей требовалъ его.

— Прекрасный сынъ, прекрасный. Я помню его въ семинаріи. Такъ онъ, говорятъ, избралъ монашество?

— Да, онъ написалъ мнѣ объ этомъ...

— Это очень хорошо, очень хорошо. Зайди ко мнѣ, отецъ-дьяконъ, и расскажи мнѣ объ этомъ подробнѣе. Это очень меня занимаетъ...

Велегласовъ откланялся и отправился домой, а на другой день утромъ уже былъ въ архіерейскомъ домѣ.

Ему, однако, пришлось подождать часа два. Архіерей что-то долго не выходилъ.

Вмѣстѣ съ нимъ въ пріемной было нѣсколько просителей, которые смиренно, не двигаясь, стараясь даже дышать какъ можно скромнѣе, ожидали пріема.

Когда же, наконецъ, архіерей вышелъ, то сейчасъ же стало ясно, что дьякону придется подождать еще добрыхъ полчаса. Онъ былъ на очереди первый и первый же подошелъ къ архіерею, но тотъ сказалъ ему:

— Тебя, отецъ-дьяконъ, попрошу обождать, пока я выслушаю другихъ. У нихъ у каждого свое дѣло, а у тебя вѣдь мое, по моей просьбѣ. Такъ ужъ будь добръ, потерпи.

Дьяконъ, конечно, потерпѣлъ и вотъ пріемъ кончился. Тогда архіерей обратился къ нему:

— Ну, теперь пожалуй, дьяконъ, ко мнѣ, побесѣдуемъ.

И Велегласовъ былъ введенъ въ небольшую комнату, гдѣ полъ былъ обтянутъ мягкимъ сукномъ, гдѣ стояла мягкая удобная мебель и было уютно и пріятно. Архіерей сѣлъ въ кресло и ему тоже разрѣшилъ сѣсть.

— Такъ рассказывай, рассказывай, какъ же это случилось?—говорилъ архіерей:—вѣдь твой сынъ, слышалъ я, имѣлъ здѣсь невѣсту. Слѣдовательно, у него были другія намѣренія.

— Да, ваше преосвященство, была невѣста, прекрасная дѣвушка, отца Луки Троянскаго дочь,—скорбно отвѣтилъ дьяконъ.

— Знаю, знаю. Такъ, значить, онъ раньше ничего не думалъ о монашествѣ?

— Не высказывалъ. Для меня и для моей жены это была неожиданность...

— Гм... А ты такъ говоришь, отецъ-дьяконъ, какъ будто недоволенъ этимъ.

— Не могу сказать, ваше преосвященство, доволенъ я или нѣтъ. Не могу своимъ умомъ объять это.

— Надо быть довольнымъ, отецъ-дьяконъ. Твой сынъ предпринимаетъ святое дѣло. Хорошо быть монахомъ... Великое благо есть отдалиться отъ мірскихъ дрязгъ и всякой суетности.

— Да, ваше преосвященство,—сказалъ дьяконъ просто, безъ всякаго подобострастія:—это хорошо. А все же это подвижъ,—отречься отъ жизни молодому человѣку, которому жизнь улыбалась...

Архіерей неодобрительно покачалъ головой.

— Отъ жизни плотской отречься, а не отъ жизни духа... А духъ выше плоти, ты самъ это знаешь... А я радъ, радъ, что изъ нашего города и изъ нашей семинаріи со временемъ выйдетъ архипастырь. Онъ имъ будетъ конечно, твой сынъ. Онъ молодой человѣкъ незаурядный... Вотъ что, отецъ-дьяконъ, если онъ когда-нибудь къ тебѣ пріѣдетъ, попроси его побывать у меня. Я хочу съ нимъ побесѣдовать.

Затѣмъ архіерей ласково отпустилъ Велегласова.

Дьяконъ былъ крайне неопытенъ въ сношеніяхъ съ

высшимъ начальствомъ. Жилъ онъ въ сторонѣ отъ той борьбы, которую обязательно ведутъ между собой разные приходы въ городѣ. Его приходъ только формально причислялся къ городу, въ дѣйствительности же онъ не имѣлъ съ нимъ ничего общаго.

Въ городѣ дьяконъ приходилъ въ случаяхъ только крайней необходимости. Не любилъ онъ города.

И духовныхъ лицъ онъ зналъ, былъ знакомъ съ ними, но ни съ кѣмъ не вступалъ въ близкія отношенія.

Но если бы онъ былъ похитрѣе, то могъ бы воспользоваться этимъ моментомъ и кой-что выиграть. Если бы, напримѣръ, онъ тутъ же попросилъ архіерея сдѣлать его священникомъ и дать ему самостоятельный приходъ, архіерей непременно исполнилъ бы это. Очень ужъ онъ былъ тронутъ монашествомъ Михаила Велегласова.

Но дьяконъ пригорода ничего этого не сдѣлалъ. Было время, когда онъ еще мечталъ о священствѣ и дѣлалъ попытки добиться его; но у него не было никакой «руки» и ему постоянно отказывали.

По части правъ онъ былъ слабъ. Его семинарское ученіе было слишкомъ незначительно, чтобы онъ могъ претендовать на священство, но на его глазахъ священниками дѣлали людей, еще менѣе ученыхъ. Теперь онъ ужъ давно бросилъ всѣ эти мечты и примирился съ своей долей вѣчнаго дьякона. И во время визита къ архіерею это ему и въ голову не пришло.

Потомъ, придя домой, онъ выслушалъ нѣсколько упрековъ со стороны Агаѣи Ѳеодоровны.

— Вотъ,—говорила она:—умный ты человѣкъ, дьяконъ, а не сумѣлъ... И вѣдь, главное-то, не для тебя и не для меня это нужно, а для дѣтей.

Но все равно, это уже было невозвратимо. Развѣ въ другой разъ когда-нибудь архіерей опять позоветъ его. Тогда ужъ непременно скажетъ.

Но только зачѣмъ же онъ будетъ звать его? Онъ узналъ все, что его интересовало, и больше ему не о чемъ было разговаривать съ дьякономъ пригородной церкви.

Въ домѣ Велегласова теперь начали ждать съ нетерпѣніемъ отъ Михайлы новаго письма. Богъ знаетъ почему, у Агаѣи Ѳеодоровны была какая-то смутная надежда, что вотъ-вотъ придетъ отъ Михайлы новое письмо, полное радости и улыбки, и въ письмѣ этомъ онъ сообщитъ, что это было просто наитіе, и что все это уже прошло, и вотъ онъ передъ ними,—прежній Михайло, молодой, веселый, смѣшливый, любящій жизнь и всѣ ея блага.

Но письмо долго не приходило. Прежде, бывало, онъ писалъ каждую недѣлю, и письма его читались въ семьѣ съ такимъ удовольствіемъ, какъ будто это были гостинцы, присланные издалека. А теперь вотъ ужъ мѣсяць какъ отъ него нѣтъ строчки.

Наконецъ, пришло письмо. И до чего все у него измѣнилось! Даже конвертъ былъ какой-то особенный—большой, изъ толстой бумаги, торжественный. А самое письмо еще больше смутило ихъ души.

Ни одного ласковаго слова, ни одной шутки—строгое, отвлеченное, съ длинными, но въ то же время отчеканенными фразами. Это была точно отходная недавнему прошлому.

Письмо было полно разсужденій о непрочности и обманчивости мірскаго счастья, о святомъ одиночествѣ, къ которому долженъ стремиться всякій мыслящій человѣкъ.

И всѣ эти умныя слова прикасались къ простымъ и немудрымъ душамъ дьякона и Агаѣи Ѳеодоровны, какъ что-то холодное, чуждое, постороннее, и причиняли имъ боль.

— Да,—говорила Агаѣя Ѳеодоровна, глядя на мужа какими-то замученными глазами.—Онъ дѣйствительно отрѣшился отъ міра, отрѣшился отъ всего, отрѣшился и отъ насъ...

— Ну, что ты, что ты,—не особенно твердо возражалъ дьяконъ:—съ чего ему отъ насъ отрѣшаться? Вѣдь онъ добрый, онъ хорошій...

— Охъ, Господи! Да развѣ же я говорю, что онъ нехорошій?.. Но, видно, это такъ ужъ дѣйствуетъ... Пере-

мѣняетъ это человѣка, что ли... Не вижу я теплаго чувства въ его письмахъ, разсуждаетъ все, да разсуждаетъ... Это не то, не то.

Но самое странное было то, что дьяконъ до сихъ поръ не собрался и не написалъ ему ни слова по полученію имъ извѣстія.

Онъ, правда, и вообще рѣдко писалъ сыну, и Михайлъ не требовалъ отъ него посланій. И это не мѣшало ему самому писать каждую недѣлю. Но вѣдь это былъ такой случай, что, казалось бы, дьякону неизбѣжно было отозваться.

А онъ не могъ. Чувствовалъ онъ, что какъ только возьмется за перо да обмакнетъ его въ чернильницу, такъ и польются у него слова неподходящія,—такъ лучше ужъ совсѣмъ молчать.

А Михайлъ и не требовалъ, очевидно, его отвѣта, онъ не нуждался въ мнѣніи своихъ родныхъ. Самъ рѣшилъ, и этого съ него довольно.

Уже наступила весна. Въ южномъ губернскомъ городѣ начались дивные солнечные дни, все зазеленѣло, зашевелилась новая, только-что народившаяся жизнь.

И вотъ въ одинъ изъ такихъ дней, въ домѣ Велегласова было получено письмо, въ которомъ сынъ ихъ описывалъ чинъ принятія монашества. Чинъ этотъ онъ испыталъ на себѣ и, когда дьяконъ читалъ вслухъ это письмо, а вся семья слушала его съ замираніемъ сердца, Агаѣя Ѳеодоровна явственно видѣла передъ собой, какъ, мало-по-малу, ея Михайло превращался въ монаха, какъ надѣвали на него длинныя черныя одежды, и ей казалось, что милаго ея сына живого положили въ гробъ, отпѣли надъ нимъ панихиду, на гробъ наложили крышку и заколотили. А потомъ понесли на кладбище и зарыли въ могилу.

А дьяконъ читалъ монотонно, безъ увлеченія, безъ чувства, какъ читаютъ псалтирь надъ покойникомъ, одну страницу, другую, третью и вотъ уже онъ дошелъ до послѣдней страницы.

Вотъ и она уже прочитана, онъ присматривается сквозь очки и читаетъ:

«Остаюсь вашъ горячій молитвенникъ монахъ Мелетій».

Когда онъ прочиталъ эти слова, въ комнатѣ раздался короткий сдавленный крикъ, и Агаѣя Ѳеодоровна повалилась безъ чувствъ. Что-то сдѣлалось съ ея сердцемъ.

Съ большимъ трудомъ удалось привести ее въ чувство. И когда она пришла въ себя и вспомнила всѣ свои мысли и ощущенія, то рассказала, что въ ту минуту ей показалось, будто у нея дѣйствительно нѣтъ уже сына, онъ умеръ, онъ потерялъ навѣки. Нѣтъ Михайлы, милаго, дорогого, ласковаго, любимаго, Михайлы—съ его ясными глазами и свѣтлой душой, а есть какой-то Мелетій, суровый, мрачный, чужой.

А дьяконъ, по прочтеніи этого письма, долго-долго ходилъ по своей комнатѣ. И, наконецъ, движимый какимъ-то повелительнымъ чувствомъ, онъ сѣлъ къ столу и написалъ.

«Милый нашъ сынъ, мы отъ всей души желаемъ тебѣ счастья на той дорогѣ, которую ты избралъ, но насъ съ матерью ты лишилъ себя, лишилъ дорогого, любимаго сына, и мы теперь сироты... Ничего больше не въ силахъ написать тебѣ. Будь же счастливъ».

И это письмо онъ послалъ въ академію монаху Мелетію.

IV.

Рѣшеніе Велегласова принять монашество и въ академіи произвело сенсацію.

Ежегодно со стороны начальства дѣлалось предложеніе принять монашескій санъ. Монашество въ академіи покровительствовалось. Инспекторъ, самъ монахъ по глубокому убѣжденію, бесѣдовалъ со студентами, горячо и краснорѣчиво доказывая имъ преимущества отреченія отъ міра.

Но для своихъ бесѣдъ онъ выбиралъ все-таки такихъ студентовъ, которые по своему образу мыслей и поведенію казались подходящими.

Мадригалъ.

Когда зима свой снѣгъ и ледъ
На землю скорбную пошлетъ—
Что я сравнилъ бы той порою

Отвѣтъ готовъ на это ясный:
Вашъ образъ милый и прекрасный
Невинный, чище и свѣтлѣй,

Мадригалъ. Картина Ф. инноцента, авт. «Нивы».

Съ невинной снѣга бѣлизною?
И съ яркой искоркою льда
Сравниться что могло-бъ тогда?

Чѣмъ первый снѣгъ родныхъ полей,
А взоръ вашъ свѣтлый и лучистый
Сіяетъ искоркою льдистой!

Георгій Аркатовъ.

Одуванчикъ.

Отчего съ улыбкой безмятежной
Ты глядишь на одуванчикъ нѣжный?
Какъ туманъ, что утренней порою

И уйдетъ въ забвенья навсегда...
Одуванчикъ бѣлый съ нимъ сравнится:
Дунешь ты—и ждешь его бѣда!

Одуванчикъ. Картина Ф. Инноцента, авт. «Нивы».

По степи раскинулся безбрежной,
Чистъ и легокъ пухъ его живой...
Дунетъ вѣтеръ—и туманъ умчится,
Словно сонъ, что лишь на мигъ приснится,

Одуванчикъ тотъ—мечта живая,
О любви мечта моя нѣмая.
Ты—живой и вольный вѣтерокъ—
И ее развѣешь ты, играя,
Какъ пушистый, бѣлый свой цвѣтокъ!

Георгій Аркатовъ.

Велегласовъ никоимъ образомъ не подходилъ подъ этотъ типъ. Живя въ стѣнахъ академическаго общежитія уже полтора года, онъ успѣлъ обнаружить чисто свѣтское направленіе. У него подобралось нѣсколько близкихъ товарищей, составившихъ кружокъ. Въ этомъ кружкѣ читались свѣтскія книги, занимались литературой, вели долгія и горячія бесѣды на темы, не имѣвшія ничего общаго съ богословскими науками.

И начальство видѣло, что всѣ эти молодые люди, какъ говорилъ инспекторъ, «смотреть въ лѣсъ», на нихъ уже начали смотрѣть, какъ на будущихъ отщепенцевъ, предполагая, что они, кончивъ академію и отслуживъ по духовному вѣдомству въ качествѣ преподавателей семинаріи, уйдутъ въ свѣтскую службу.

Велегласовъ считался душой этого кружка, и инспектору даже въ голову не приходило склонять его къ принятію монашества.

И вотъ, однажды, Велегласовъ явился къ инспектору, и безъ всякихъ оговорокъ заявилъ о своемъ желаніи постричься въ монахи. Это было до такой степени не подготовлено, что инспекторъ въ первую минуту даже не повѣрилъ.

— Вы монахъ?, Вы? Велегласовъ? Не могу допустить, чтобы вы шутили такими вещами, но... Но все-таки и повѣрить этому трудно.

— Я прошу васъ вѣрить, просто заявилъ Велегласовъ:—я дѣйствительно желаю принять монашество.

Инспектору оставалось только повѣрить. Но до такой степени мало согласовалось это заявленіе съ репутаціей Велегласова, что инспекторъ началъ допрашивать его.

— Можете ли вы объяснить мнѣ, Велегласовъ, какъ пришли къ этому рѣшенію?

— Нѣтъ, не могу,—серьезно, глядя на него, отвѣтилъ Велегласовъ.—Это мой интимный міръ, который я не могу раскрыть ни передъ кѣмъ.

— Да, конечно... Такой міръ существуетъ,—сказалъ инспекторъ.—Но истинный монахъ долженъ раскрывать его передъ старшимъ братомъ.

— Во-первыхъ, я еще не монахъ,—отвѣтилъ Велегласовъ, а во-вторыхъ... Истинный монахъ—это такое состояніе, къ которому носящій монашескую одежду можетъ стремиться всю жизнь и все-таки не достигнуть. Я, вѣроятно, буду самый грѣшнѣйшій изъ монаховъ, но буду всегда стремиться стать лучшимъ.

Эти отвѣты произвели на инспектора хорошее впечатлѣніе. Онъ больше не счелъ себя въ правѣ допрашивать его. Рѣшеніе принять монашество по существу своему должно быть добровольно, а добровольность была здѣсь налицо.

Черезъ нѣсколько дней уже Велегласовъ получилъ отдѣльную комнату и къ нему стали относиться, какъ къ существу исключительному.

Странно было видѣть, какъ онъ вдругъ перемѣнился. До заявленія инспектору это былъ еще веселый жизнерадостный молодой человекъ; въ послѣдніе дни, правда, въ немъ замѣчались какія-то неровности, онъ иногда задумывался, выпадалъ въ мрачное состояніе, но это быстро проходило, до того быстро, что оставалось почти незамѣченнымъ. По крайней мѣрѣ, никто не придавалъ этому значенія.

Послѣ заявленія онъ точно переродился. Это, конечно, прежде всего было замѣчено и принято въ расчетъ его близкими товарищами, членами кружка, въ которомъ онъ былъ центромъ.

Они даже не захотѣли вникнуть въ мотивы его поступка. Объ этихъ мотивахъ никто даже не спросилъ его.

Они просто отшатнулись отъ него, рѣшивъ, что имъ руководилъ простой расчетъ. Никакого другого объясненія они не могли дать. И между ними выросла стѣна.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, которые прошли до его постриженія, Велегласовъ былъ совершенно одинокъ. Онъ посѣщалъ лекціи, церковную службу, все же осталь-

ное время его никто не видѣлъ. Онъ проводилъ время одинъ въ своей комнатѣ.

Онъ совершенно разошелся съ прежними товарищами, но не сошелся съ новыми. Въ академіи было нѣсколько студентовъ, уже ранѣе принявшихъ монашество. Они составляли между собою тѣсный кругъ.

Отношенія этого круга къ кружку, къ которому недавно еще принадлежалъ Велегласовъ, были холодныя, почти враждебныя.

И, когда Велегласовъ заявилъ свое рѣшеніе, съ той стороны былъ сдѣланъ шагъ къ сближенію. Но онъ къ этому шагу остался глухъ.

Въ началѣ весны онъ сдѣлался монахомъ и очень скоро послѣ этого былъ возведенъ въ іерейскій санъ.

Наступили каникулы. Новый монахъ Мелегій взялъ отпускъ и поѣхалъ на югъ Россіи въ свой родной городъ.

Это было въ концѣ мая. Въ губернскомъ городѣ стояли уже жаркіе дни. На немощеныхъ улицахъ пригорода лежалъ толстый слой мельчайшей пыли, которая, при малѣйшемъ движеніи воздуха, поднималась столбомъ и окутывала прохожихъ.

Въ будній день, когда младшія дѣти находились въ школѣ, а дома были только дьяконъ и Агаѣя Ѳедоровна, къ оградѣ церковнаго дома подкатили извозчикъ дрожки и изъ нихъ вышелъ высокій сухощавый человекъ въ длинной черной одеждѣ. На головѣ его была высокая черная камлавка безъ клобука.

Съ виду трудно было признать, что это монахъ, а не обыкновенное духовное лицо.

Онъ взялъ съ брички небольшой чемоданчикъ, расплатился съ возницей и вошелъ въ ограду. Здѣсь было тихо. Населеніе церковнаго дома спряталось отъ жары въ комнаты. Окна, выходящая на солнечную сторону, были закрыты ставнями.

Пріѣзжій подошелъ къ знакомому крыльцу, остановился и потянулъ ручку звонка.

Знакомъ ему былъ и дребезжащій звонокъ, раздавшійся за дверью и шаги кухарки Аксиньи, приближавшейся къ двери съ той стороны. Дверь отворилась.

— Здравствуйте, Аксинья,—молодымъ, ласковымъ голосомъ сказалъ пріѣзжій, и Аксинья узнала его и отшатнулась.

— Здравствуйте, батюшка... Господи...—вдругъ воскликнула она.—Да это же нашъ Михайло Васильевичъ...

Пріѣзжій вошелъ въ переднюю, положилъ на полъ свой чемоданчикъ, а затѣмъ пошелъ въ домъ.

Но Аксинья, съ быстротой пули, выпущенной изъ ружья, побѣжала впередъ и оповѣстила.

И въ то время, какъ пріѣзжій входилъ въ столовую, гдѣ не было ни души, въ другихъ комнатахъ происходилъ настоящій переполохъ. Дьяконъ и Агаѣя Ѳедоровна, одѣтые вольготно, болѣе чѣмъ по-домашнему, быстро приводили себя въ порядокъ.

Будь это нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, явись къ нимъ Михайло простымъ студентомъ, какимъ они привыкли его видѣть, ничего этого не было бы. Они и не подумали бы стѣсняться передъ нимъ своихъ одеждъ. Но теперь это было особенное существо, передъ которымъ нельзя являться въ беспорядкѣ.

И дьяконъ надѣлъ не только кафтанъ, но и рясу, даже свои непокорные кудри расчесалъ гребешкомъ и, только приведя себя въ полный порядокъ, вышелъ, наконецъ, въ столовую.

— Михайло,—воскликнулъ онъ, совершенно забывъ, что у пріѣзжаго уже другое имя.

— Отецъ...

Дьяконъ остановился, какъ бы не зная, какое отношеніе встрѣтитъ онъ со стороны пріѣзжаго. Но пріѣзжій подошелъ къ нему близко-близко и горячо обнялъ.

Тутъ вышла Агаѣя Ѳедоровна и безъ колебаній бросилась въ его объятія.

Но послѣ первыхъ горячихъ привѣтствій, когда всѣ усѣлись, старики начали присматриваться къ гостю. Странная перемена произошла въ немъ.

Что на немъ была черная ряса, а на головѣ камлавка, это было имъ непривычно, но все же къ этому они скоро приглядѣлись. Но къ той переменѣ, какая произошла въ его лицѣ, въ манерахъ, въ голосѣ, во взглядѣ, привыкнуть было не такъ легко.

Лицо его стало худымъ и длиннымъ. По чертамъ оно скорѣе подурнѣло, но явилось въ немъ что-то новое, какая-то безконечная привѣтливость.

Все въ немъ было смягчено: голосъ сталъ мягкимъ, улыбка кроткой, смѣхъ тихимъ, движенія сдержанными. Русые кудри его выросли и голова его отъ этого сдѣлалась красивѣй.

— Ну, вотъ я и пріѣхалъ къ вамъ!—просто и какимъ-то яснымъ голосомъ сказалъ онъ, доброй улыбкой смотря въ глаза дьякона и Агаѣи Ѳеодоровны.

— Мы тебѣ рады, Михайло, ты знаешь, какъ мы тебѣ рады,—сказала Агаѣя Ѳеодоровна дрожащимъ голосомъ и, казалось, готова была заплакать.

Онъ улыбнулся.

— Вы все меня Михайломъ называете, мамаша, а я вѣдь уже не Михайло, а Мелетій.

— А для меня ты всегда останешься Михайломъ!—промолвила Агаѣя Ѳеодоровна:—Михайломъ я тебя окрестила, Михайломъ выкормила и воспитала...

— Ну, какъ вамъ больше нравится, такъ и называйте. Я отъ этого не измѣнюсь.

И пошла у нихъ бесѣда обо всемъ, что приходило въ голову. А въ голову приходили все вопросы, касающіеся города, знакомыхъ, родныхъ, академіи. И не было задано ни одного вопроса, близко касавшагося его и сдѣланнаго имъ шага.

По какому-то необъяснимому инстинкту, эти вопросы сами собою откладывались до другого времени.

Скоро пришли дѣти, и въ первую минуту были поражены видомъ высокаго худощаваго монаха, появившагося въ ихъ домѣ.

Но Мелетій такъ мило поздоровался съ ними, съ такой тихой лаской разспрашивалъ ихъ о житіи-бытіи, что они очень скоро простили ему его суровый монашескій видъ и стали видѣть въ немъ только брата.

Такимъ образомъ пріѣздъ Мелетія не только не произвелъ потрясенія въ его родной семьѣ, но, видимо, смягчилъ то тяжелое чувство, какое было создано его письмами.

Только дьяконъ какъ будто все чего-то безпокоился. Его обыкновенная ровность и твердость куда-то исчезли. У него былъ такой видъ, словно онъ что-то замыслилъ, но не имѣлъ рѣшимости осуществить.

И вотъ однажды, когда въ домѣ никого не было, кромѣ ихъ двоихъ, онъ сказалъ сыну:

— Мелетій, не зайдешь ли въ мою комнату? Хочется мнѣ побесѣдовать съ тобой.

— Охотно, отецъ,—отозвался Мелетій, и ни малѣйшей тѣни не появилось на его лицѣ.

Они пошли въ комнату дьякона, и дверь за ними плотно притворилась.

— Ну, давай, присядемъ, Мелетій. Присядемъ и потолкуемъ,—заговорилъ дьяконъ, видимо, заготовившій цѣлый планъ.—Видишь ли, ты, должно-быть, извинишь меня, когда узнаешь, какъ мы здѣсь страдали, получивъ твое извѣстіе.

— Зачѣмъ вы страдали?—мягко спросилъ Мелетій:—развѣ вы не видите, что мнѣ хорошо?

— Вижу, конечно вижу. Если это спокойствіе твое, этотъ ровный духъ, добрый характеръ, какой ты проявляешь ко всѣмъ, если все это въ тебѣ дѣйствительно есть, если ты не показываешь это только ради насъ, изъ любви къ намъ, чтобы не тревожить насъ, такъ тогда тебѣ должно быть, дѣйствительно, хорошо.

— Да, да, отецъ, все это такъ и есть,—отвѣтилъ

Мелетій:—я не прикидываюсь, я и не сумѣлъ бы, если-бъ и хотѣлъ. Нѣтъ у меня этого таланта.

— Слава Богу, слава Богу. Такъ вотъ Расскажи же мнѣ, какъ ты пришелъ къ этому. Отъ тебя нельзя было ждать этого. Именно отъ тебя.

— Это сложно, отецъ... Я не знаю, сумѣю ли рассказать вамъ... Хотѣлъ бы, очень хотѣлъ...

— Говори, Мелетій, чего не пойму умомъ, сердцемъ почувствую.

— Какъ я пришелъ къ этому?—промолвилъ Мелетій, задумчиво глядя въ окно:—какъ я пришелъ къ этому! Да, мудрено это было... Съ виду покажется, что изъ пустыхъ причинъ. Началось это съ досады... Да, съ простой досады. Инспекторъ нашъ постоянно убѣждалъ студентовъ принять монашество и всяческія блага сулить. И вотъ многихъ онъ убѣждалъ, то одного, то другого. И видѣлъ я, что выбираетъ онъ для этого самыхъ бездарныхъ, самыхъ безответныхъ, самыхъ бѣдныхъ духомъ. И я смотрѣлъ на это, и меня брала досада. Зачѣмъ имъ монашество? думалъ я. Все равно, они и такъ свою жизнь проживутъ безгрѣшно, ибо, если и будутъ грѣшить, то безъ сознанія и безъ ответственности, какъ грѣшить весь родъ людской. И что пользы отъ нихъ монашеству? Пройдутъ они всѣ положенныя ступени, достигнутъ безъ труда высокаго положенія, какое уже имъ уготовано, и умрутъ безслѣдно... Смотрѣлъ я и думалъ: вотъ ты, отецъ-инспекторъ, мимо меня проходишь, а я вотъ возьму да помню тебя и проникну въ то святилище, коего ты считаешь меня недостойнымъ. Да, гордость такая была, чтобы дойти самостоятельно. Самъ по себѣ, никѣмъ не убѣжденный... Ну, да это не серьезно было... Серьезное зрѣло внутри. Товарищи у меня были близкіе. Такой кругъ небольшой составилъ у насъ. Насъ называли «свѣтскими» и смотрѣли, какъ на отчужденныхъ; и я съ ними дружилъ, меня они считали своимъ какъ бы предводителемъ, главой. Но я давно уже смотрѣлъ внутрь ихъ и видѣлъ въ нихъ глубокую пустоту. Вся ихъ свѣтскость была въ томъ, что имъ неприятно было надѣть рясу—некрасивая одежда, въ которой нельзя появиться тамъ и здѣсь. Но въ головахъ у нихъ сидѣло одно: какъ бы побойче карьеру сдѣлать, какъ бы побольше захватить въ свои руки. И помню, однажды, въ одинъ часъ, въ одну минуту, они всѣ вдругъ стали мнѣ неприятны и враждебны. И тутъ мнѣ захотѣлось показать имъ, что я не ихъ склада, что я имъ чужой. Мнѣ захотѣлось такъ отдалиться отъ нихъ, чтобы не было уже никакой возможности къ сближенію... И вотъ тутъ пришла мнѣ мысль оторваться отъ нихъ, пойти въ монашество. Я рассказываю вамъ, отецъ, какъ это складывалось. Да, да, величественные храмы и дворцы складываются изъ маленькихъ простыхъ кирпичей, но, когда мы смотримъ на дивное произведеніе искусства, развѣ мы думаемъ о кирпичахъ и развѣ въ кирпичахъ тамъ дѣло?..

«Это была мысль, далекая отъ осуществленія. Но многое, многое къ ней подошло. Сталъ я думать обо всей жизни, перебирать и то и другое, вспомнилъ, какъ жите вы, какую жизнь ведутъ высшіе люди нашего сословія, и все мнѣ казалось такимъ малымъ, незначительнымъ... Вотъ и протоіереи наши: живутъ хорошо, доходы получаютъ? семьи у нихъ большія, дѣтей воспитываютъ, кто по духовной, кто по свѣтской части, а какой отъ нихъ слѣдъ? Никакого. А я стою на большой дорогѣ и передо мной открывается жизнь: бери ее такую, какую хочешь. Много есть путей для жизни, и вотъ сейчасъ передо мною еще всѣ они открыты. А тамъ... Тамъ вѣдь закроется. Стоить только избрать одинъ, какъ всѣ двери передъ тобою захлопнутся.

«Думалъ я и о своей невѣстѣ, — тихимъ голосомъ, послѣ нѣкотораго отдыха, опять заговорилъ Мелетій:—Любилъ я ее сердечно. Ну, вотъ кончу я курсъ академіи, и мы женемся. Такъ я думалъ. Что-жъ? Пойдутъ

у насъ дѣти, и я, какъ всѣ другіе, буду стараться какъ можно больше получать дохода, чтобы кормить и воспитывать дѣтей, а ежели пойду по свѣтской части, буду всячески добывать чины и награды, и въ этомъ будетъ жизнь состоять.

«И показалось мнѣ, что это жизнь плохая и недостойная. И сталъ я думать о другой жизни. Есть ли она? Возможна ли? И вдругъ я постигъ, точно молнія освѣтила мою душу... Монашество!

«Я знаю, что и въ монашествѣ многіе дѣлаютъ то же, что и въ свѣтской жизни и среди блага духовенства: добываютъ земныя блага, борются изъ-зъ нихъ. Но это уже дѣло характера и взгляда. А кто хочетъ, можетъ и избѣжать этой борьбы и этой унижительной жизни.

«Одинъ! Никто не стоитъ за твоей спиной, ничья

судьба отъ тебя не зависитъ. Хочешь, добивайся власти, могущества, и ты добьешься. А хочешь духовной жизни, высокаго удовлетворенія духа, оно въ твоей власти. Ты свободенъ, какъ птица въ небѣ...

«Такія мысли были у меня еще смутны, я ихъ только чувствовалъ, но такъ сильно, что уже могъ рѣшить вопросъ.

«А потомъ, когда послѣ моего заявленія мнѣ было предоставлено жить одному, а товарищи, обвинивъ меня какъ бы въ измѣнѣ, отшатнулись отъ меня и стали чуждаться меня,—я, отецъ, какъ бы осязалъ одиночество, и я постигъ, какъ оно прекрасно. Я постигъ, что только оно одно дѣлаетъ насъ свободными. А свобода, отецъ, свобода духа, есть величайшее благо, къ коему только можно стремиться на землѣ. Вотъ тебѣ мое объясненіе».

(Продолженіе слѣдуетъ).

На сновалѣ. Картина Ю. Адама, авт. «Нивы».

Пригородъ.

Презрѣнная Китайщина.

(Отъ нашего специального корреспондента).

(Съ 6 фотографіями на стр. 897, 898 и 899).

Здѣсь по мирному договору смыкаются линіи желѣзныхъ дорогъ — нашей отъ Харбина и перемешной къ японцамъ — отъ Артура.

При проѣздахъ по южной линіи мнѣ постоянно приходилось миновать станцію Куанчендзы ночью. Вслѣдствіе этого, а, кроме того, и по причинѣ отдаленности китайскаго города отъ станціи, при отвратительной дорогѣ, мнѣ раньше не пришлось въ немъ побывать.

Въ послѣднюю поѣздку отъѣздомъ съ юга передъ въ Россію я рѣшилъ остановиться на станціи, куда поѣздъ подходилъ изъ Годзядяня около четырехъ часовъ дня, и, переночевавъ въ вагонѣ, съ утра поѣхать въ китайскій городъ. Во время войны, когда для насъ еще были живы Ляоянь, Мудень, этимъ городомъ не интересовались. Но теперь результатъ войны и мирный договоръ, по которому онъ сталъ на рубежѣ двухъ владѣній, его роль и значеніе поднялись. Небольшая станція съ характерной китайской крышей, какъ въ Гунджунинѣ и Годзядянѣ, стоитъ теперь одиноко, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бокомъ-о-бокъ съ ней помѣстится другая станція съ тѣмъ же, а можетъ-быть, и съ другимъ названіемъ, но уже на японскомъ языкѣ.

На станціи китайцевъ встрѣчается больше, чѣмъ на южныхъ станціяхъ. Самый городъ сталъ многолюднѣе вслѣдствіе массы перекочевавшихъ сюда жителей, выселенныхъ съ юга. Прохаживаясь по перрону станціи, я останавливалъ нѣкоторыхъ китайцевъ, отыскивая говорящаго по-русски. Такой «китаецъ» въ качествѣ переводчика долженъ былъ сопровождать меня на другой день въ городъ Куанчендзы.

За этимъ поискомъ меня засталъ знакомый офицеръ.

— О чемъ вы бесѣдуете съ этой обезьяной?

— Ищу себѣ на завтра переводчика для поѣздки въ городъ.

— Гм... безъ рекомендаціи... съ вѣтра... да онъ васъ черезъ часъ оборветъ.

Станція.

Уличная торговля.

Дыханіе гнѣва.

Сгушались грозовыя тучи,
А вѣтеръ свистѣлъ и стоналъ,
Какъ будто для битвы могучей
Врага и союзника звалъ.
И вихри подули, помчались,
И молніи стрѣлы зажглись;
Столѣтніе дубы качались,
Съ корнями изъ почвы рвались.
Шаталась фундаменты зданій,
Сметались кровли домовъ.
И въ шумѣ стихійныхъ метаній
Звенѣли осколки оковъ...
Но стихнетъ дыханіе бури,
Притупятся распри мечи—
И снова на ясной лазури
Засвѣтятся мира лучи.—
Такъ часто родильницы муки
Не помнитъ счастливая мать,
Лишь только бы дали ей въ руки
Младенца къ груди прижимать.
Такъ часто въ страданьяхъ народа,
Въ хаосѣ кровавыхъ расправъ
Родится порядка свобода,
Встаетъ торжество его правъ.

П. М. Поповъ.

Загодить споръ на эту тему было напрасно. Она уже достаточно надобла мнѣ въ теченіе кампаніи. Офицеры держатся твердаго убѣжденія, что всѣ китайцы воры и мошенники. Въ каждомъ изъ нихъ они уже заранѣе видятъ хунхуза. Это считается высшимъ результатомъ изученія и знанія Китая. Признавать за китайцемъ самыя первоначальныя человѣческія права считается наивною и слабостью, потому что это не человѣкъ, а животное.

Конечно, такой взглядъ есть плодъ печальнаго недоразумѣнія и ложнаго отношенія русскаго офицерства, этихъ пионеровъ въ Манчжуріи, къ мѣстному населенію и весьма похоже.

на отношеніе побѣдителя къ побѣжденному, въ особенности замѣтно среди необразованной солдатской массы.

Между тѣмъ съ самаго начала кампаніи положеніе вещей показывало, до какой степени важно было расположить населеніе въ свою пользу во избѣжаніе печальныхъ случаевъ шпіонства, сигнализаци и пр. Для тѣхъ, кто былъ въ Манчжуріи и взялъ на себя трудъ безпристрастнаго наблюденія, конечно, не съ точки зрѣнія господъ офицеровъ, которые слово «убѣжденіе» понимаютъ довольно туго, а съ точки зрѣнія людей болѣе или менѣе «вольныхъ», какъ, на примѣръ, врачи—не остается сомнѣнія, что китайцы относятся къ русскимъ съ недоверіемъ и затаенной злобой, и что для этого существуетъ весьма основательная причина, которую можно было бы уничтожить стараніями официальной власти.

Къ сожалѣнію, этому весьма важному вопросу, какъ для настоящаго, такъ и для *будущаго*, въ приказахъ по войскамъ не было посвящено ни одной строчки.

Одинъ изъ китайцевъ, котораго я остановилъ, говорилъ «мало-мало» по-русски. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ поставилъ свои условія вознагражденія за путешествіе въ городъ въ качествѣ проводника и переводчика.

Наши переговоры не понравились офицеру. Его возмутило, главнымъ образомъ, то, что китаецъ самъ назначаетъ цѣну.

— Что вы его слушаете! Прикажете ему ѣхать съ вами въ городъ и, если онъ ничего у васъ не украдетъ, дайте ему полтинникъ.

Я спросилъ у офицера, на чемъ основано его крайнее недоверіе къ китайцамъ. Должно-быть, онъ былъ неоднократно ими обворованъ?

— Ни разу. И никогда до этого не допущу, потому что, зная ихъ,—остороженъ.

— Что касается меня,—замѣтилъ я:—то мнѣ не такъ посчастливилось. Къ качествѣ прислуги, проводниковъ-переводчиковъ, при мнѣ болѣею частью находились китайцы—такіе же, какъ и этотъ—случайные—съ вѣтра... Услугами русскихъ я пользовался очень рѣдко, на примѣръ въ Харбинѣ, гдѣ только и есть частная русская прислуга, или на позиціяхъ—отъ офицерскихъ денщиковъ. Мелкихъ случаевъ я не считаю, а серьезно я былъ обворованъ раза три, и, къ сожалѣнію, всѣ три раза виновниками оказались мои соотечественники.

Два раза лакеи харбинскихъ гостиницъ и одинъ разъ денщикъ.

— Ну, это случайность...

— Можетъ-быть. Я бы самъ желалъ такъ думать.

Мы проходили мимо толпы китайцевъ.

— Давайте, сдѣлаемъ маленькій опытъ,—предложилъ я.

— Какого рода?

Молодой китаецъ, очень бѣдно одѣтый, давно небритый, съ жиденькой косичкой, стоялъ въ сторонкѣ, прислонившись къ столбу навѣса, и флегматично осматривалъ группу китайцевъ, которые въ ожиданіи поѣзда сидѣли на своихъ узлахъ. Онъ имѣлъ видъ чловека безъ опредѣленныхъ занятій.

Я подошелъ къ нему, далъ ему пятирублевую бумажку и попросилъ купить на базарѣ пачку спичекъ. Какъ на грѣхъ, по-русски онъ почти не понималъ. Пришлось объясняться жестами, показать ему коробку, отсчитать десять, прибавить нѣсколько общезвѣстныхъ русско-китайскихъ словъ. Хода не дождался конца объясненій, рванулся съ мѣста и исчезъ.

— Ну, теперь прощайтесь съ вашей пятеркой,—торжественно объявилъ офицеръ и залился веселымъ смѣхомъ.

— Опытъ еще не конченъ.

Въ отвѣтъ на это онъ только вздохнулъ. Ему не столько было жаль пяти рублей, сколько меня—чловека, до такой степени наивнаго и неопытнаго.

— Нашъ опытъ еще не конченъ.—добавилъ я.—Вотъ идите намъ навстрѣчу солдатъ. Пошлите его съ такимъ же порученіемъ.

— Гм... для чего же? Мнѣ спички не нужны... въ особенности пачка...

— Ну, велите купить коробку.

— Нѣтъ ужъ, пускай условія будутъ одинаковы во всѣхъ мелочахъ...

Повидимому опытъ заинтересовалъ офицера. Онъ остановилъ солдата, который испуганно взялъ руку подъ козырекъ, перегнувшись на лѣвый бокъ всѣмъ своимъ туловищемъ, точно отъ поднятой руки онъ потерялъ равновѣсіе.

— Стой прямо, чего ты перекосился!

Солдатъ сдѣлать усиліе выпрямиться, но сейчасъ же опять согнулся.

— Вотъ тебя пять рублей, пойдешь и купишь мнѣ пачку спичекъ... Понялъ?

— Такъ точно, понялъ!

— Сдачи принесешь и отдашь мнѣ въ руки. Я буду находиться здѣсь, или лучше въ буфетѣ... вотъ видишь эту дверь?..

— Такъ точно, вижу.

Солдатъ взялъ правой рукой пятирублевку, вслѣдствіе чего его тѣло опять перешло въ равновѣсіе.

— Ну, ступай...

Солдатъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, испуганно глядя то на бумажку, то на офицера.

— Чего-жъ ты стоишь?

Правая рука передала бумажку въ лѣвую, поднялась къ фуражкѣ, и тѣло опять перегнулось на лѣвый бокъ.

— Позвольте доложить вашему благородію... Ежели прикажете купить спичекъ въ вагонѣ-лавочкѣ...

— Ну, купи въ вагонѣ-лавкѣ... Ты знаешь, гдѣ онъ стоитъ?

— Такъ что... ваше благородіе... позвольте доложить... этотъ самый вагонъ съ лавочкой буде... уже два дня какъ ушелъ на сѣверъ...

Офицеръ не выдержалъ и обронилъ крѣпкое словечко.

— Ступай и купи, гдѣ хочешь. Ступай хоть къ самому чорту и исполни то, что тебѣ приказано! Понялъ?

— Такъ точно, понялъ.

Лицо солдата озарилось мыслью. Повидимому, онъ только теперь пришелъ въ себя и понялъ, что отъ него хотятъ.

Онъ круто повернулъ кругомъ, такъ что едва не потерялъ равновѣсія.

Мы прошли въ буфетъ. Здѣсь сидѣло нѣсколько офицеровъ.

Мой спутникъ выбралъ мѣсто поближе къ двери и позвалъ китаецъ-бойку.

— Почему у васъ нѣтъ водки?—строго спросилъ онъ.

— Не могу знать... Начальство не позволяетъ...

— Ну, давай намъ обѣдъ и бутылку краснаго вина.

Мы съѣли по тарелкѣ щей. Мой спутникъ обернулся къ двери.

— А вашего китаецъ все еще нѣтъ.

Дѣйствительно, времени прошло уже достаточно, а мой посланецъ не являлся. Досадно было, что мы не предупредили его, что будемъ сидѣть въ буфетѣ. Но, когда «бойка» подалъ намъ второе блюдо, черномазая голова заглянула въ дверь, и китаецъ, запылавшійся отъ быстрой ходьбы, подошелъ къ нашему столу. Въ одной рукѣ у него была пачка спичекъ, а въ другой деньги. Я далъ ему двугривенный къ его великому удовольствію и отпустилъ его съ миромъ.

— Должно-быть, ихъ здѣсь нашколили,—небрежно замѣтилъ офицеръ.

Мы пообѣдали допили бутылку вина, а солдатъ все не являлся.

— Это тихоходъ, лѣнтяй. Онъ по дорогѣ присядетъ, встрѣтитъ землячка, покалякаетъ... Не выпить ли намъ еще бутылочку?

— Нѣтъ, мы лучше прогуляемся по платформѣ. Можетъ-быть, онъ насъ разыскиваетъ.

— А можетъ-быть... Пойдемте...

Мы расплатились и вышли. Каждого встрѣчнаго солдата мы разсматривали, но знакомаго не находили.

— Вы не замѣтили, какой онъ части?

— Нѣтъ, не замѣтилъ.

Китаецъ, котораго я выбралъ въ качествѣ проводника, подошелъ къ мнѣ и просилъ показать ему мой вагонъ.

Мы дошли до тушика, гдѣ вагонъ былъ поставленъ, и вернулись на станцію. Мой ходъ шелъ по пятамъ и опять поровнялся со мной.

— Капитанъ, моя ходи деревня, а завтра ходи вагонъ.

— Ну, и приходи. Въ которомъ часу?

— 7 часовъ ходи... Моя тятка деньги нѣту... Капитанъ, давай деньги три рубля, а завтра не надо давай... Все равно моя сказаль, моя сдѣлалъ... Завтра ходи въ Куанчандзы...

— Ишь, чего захотѣлъ! А ты не придешь...

— Ей-Богу, капитанъ! Моя сказаль, моя сдѣлалъ. Сегодня деньги давай... Завтра не надо давай... Моя тятка шибко деньги нужно...

— Не давайте вы ему денегъ впередъ... Что за нахальство,—возмутился офицеръ.

Неожиданно навертывался случай для второго опыта. Я рискнулъ.

— Вотъ тебѣ три рубля. Русскій капитанъ тебѣ вѣрить, смотри: не будь мошенникомъ. Завтра приходи.

— Моя машинка нѣтъ... Моя сказаль, моя сдѣлалъ... Пасибо, капитанъ... Пасибо...

Онъ ушелъ.

— Удивляюсь я на васъ...—промовилъ офицеръ.

— Я тоже удивляюсь... Вашего-то солдата все еще нѣтъ...

— Да... я просто не могу понять, что это значитъ.

— Я думаю, что онъ покинулъ насъ навсегда...

Пригородъ.

— Что вы говорите... да какое онъ имѣть право?..

— Право! Ну, это слово, я полагаю, меньше всего его интересуетъ. Весь его кругозоръ въ двухъ фразахъ: «Такъ точно» и «Никакъ нѣтъ», а дальше этого онъ уже руководится инстинктомъ...

— И на кой чортъ я послалъ его за спичками, и притомъ за цѣлой пачкой... Я человекъ некурящій, зачѣмъ мнѣ цѣлая пачка спичекъ?

— Да вѣдь онъ же вамъ ее не принесъ...

— Принесетъ. Я увѣренъ, что принесетъ... Вы подождите уходить. Зайдемъ еще въ буфетъ... Выпьемъ чаю. Здѣсь вода лучше, чѣмъ на другихъ станціяхъ.

Очевидно, офицеру очень хотѣлось вмѣстѣ дождаться прибытія солдата.

— Къ сожалѣнію, мнѣ некогда караулить вашего солдата. Но я думаю, что отъ меня этого даже не требуется. Когда онъ придетъ, вы зайдите ко мнѣ въ вагонъ. Если же ни сегодня, ни завтра онъ не явится, то ужъ, извините, я уѣду на сѣверъ, а затѣмъ въ Россію. Чтобы вамъ сдѣлать удовольствіе, я вамъ оставляю адресъ вотъ на этой карточкѣ и буду ждать хоть десять лѣтъ вашего письма съ извѣщеніемъ, что, наконецъ, послѣ многолѣтнихъ тщетныхъ ожиданій такой-то солдатъ принесъ пачку спичекъ и сдачи съ пяти рублей... Я буду очень радъ за васъ, а главное—за солдата.

— Чортъ съ нимъ... Я самъ завтра долженъ ѣхать на югъ. А сейчасъ надо взять рикшу и ѣхать ночевать на этапъ...

На другое утро мой маленький служебный вагонъ задрожал отъ ударовъ снаружи. Сонный проводникъ вагона отворилъ дверь, и нѣсколько времени слышенъ былъ его споръ съ китайцемъ, котораго онъ не хотѣлъ впускать. Наконецъ, справившись у меня, онъ впустилъ его въ вагонъ.

Не долго думая, китаецъ прошѣ въ мое отдѣленіе.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ я.

— По-китайски Ванъ, а по-русски будетъ Иванъ.

Что можетъ быть проще и удобнѣе такого перевода. Вставать мнѣ еще не хотѣлось, и я сталъ наблюдать за Иваномъ, который внимательно осматривалъ стѣны вагона и все въ немъ находящееся. Самъ онъ былъ парнемъ лѣтъ восемнадцати, высокаго роста, хорошо выбритый, съ толстой черной косой. Черты его лица были изъ тѣхъ, которыя часто встрѣчаются въ Манчжуріи, въ противорѣчіе съ монгольскимъ типомъ даютъ тонкую, съ небольшой горбинкой, линию носа, красивое очертаніе губъ и энергичный выдающийся подбородокъ. Все монгольское остается въ глазахъ—черныхъ, прищуренныхъ и не имѣющихъ впадинъ.

Наблюдательность китаецъ изумительна. Мой переводчикъ при первомъ же бѣгломъ обзорѣ вагона замѣтилъ на одной стѣнѣ кнопку, а на другой стѣнѣ французскую булавку, которую мы съ денщикомъ наканунѣ напрасно искали на этой же стѣнѣ. Узнавъ ихъ назначеніе и русское названіе, онъ сейчасъ же среди груды карандашей, кистей и перьевъ замѣтилъ незнакомый для себя предметъ—циркуль и пожелалъ узнать, что это за штука. Не успѣлъ я объяснить, какъ онъ вскочилъ съ мѣста, бросился въ отдѣленіе проводника вагона и принесъ оттуда ножку отъ этого циркуля и вставилъ ее въ свое мѣсто.

Очевидно, пробывъ тамъ не болѣе минуты, онъ успѣлъ изучить всѣ подробности помѣщенія. Ножку отъ циркуля, какъ оказалось, денщикъ употребилъ въ качествѣ булавки для оконной занавѣски. Нужно было китаецу не только замѣтить эту ничтожную вещь, но и разглядѣть ея грань, чтобы при видѣ циркуля сейчасъ же сообразить, что эти двѣ незнакомыя ему вещи, находящіяся въ разныхъ комнатахъ и въ разныхъ условіяхъ употребленія—имѣютъ связь.

Осмотрѣвъ все, что его интересовало, Ванъ сталъ перебирать

Станція.

платье, висѣвшее на вѣшалкѣ. Выбравъ куртку изъ хаки, онъ, не долго думая, одѣлъ ее на себя. Потомъ выбралъ себѣ фетровую шляпу съ большими полями, закрутилъ вокругъ головы косу и одѣлъ шляпу.

— Зачѣмъ ты одѣваешь?—спросилъ я.

— Гм... твою ходи Куанчендзы... Моя ходи Куанчендзы... Твоя капитанъ... Моя переводчикъ. Надо хорошо одѣвай переводчикъ.

Дѣло очевидное. Разъ онъ сталъ переводчикомъ, то непременно надо надѣть на себя что-нибудь европейское.

Но это ему показалось мало. На стѣнѣ онъ увидѣлъ японскій штыкъ въ металлическихъ ножнахъ. Онъ его снялъ и сейчасъ же сталъ шарить по угламъ вагона, и, наконецъ, вытащилъ изъ-за сундука боевой ремень, опоясался имъ и повѣсилъ сбоку штыкъ. Въ довершеніе всего онъ одѣлъ на себя бинокль и пошелъ показаться денщику.

Но его ожидало фіаско. Денщикъ расхохотался и назвалъ его макакой.

Съ обиженнымъ видомъ онъ вернулся ко мнѣ и сталъ жаловаться.

— Солдатъ говори макака... Моя китайскій человекъ... моя нѣтъ макака...

— А ты его не слушай...

— Русскій солдатъ всегда ругай: макака, бродяга, хунхузъ... Зачѣмъ ругай?.. Моя нѣтъ хунхузъ...

— Ну, помиритесь и вели ему ставить самоваръ.

— Моя умѣй самоваръ...

Въ помѣщеніи денщика живо закипѣла работа. Ванъ старался изо всѣхъ силъ. Денщикъ моментально сдѣлалъ его своимъ помощникомъ, чему онъ безропотно подчинился. Побѣждалъ за водой къ водочакѣ, за булкой на станцію и за яйцами на базаръ и, возвращаясь, мимоходомъ, несмотря на мои протесты, старался помочь мнѣ одѣться. Черезъ часъ мы уже напились чаю и готовы были къ путешествію.

Ванъ сбѣгалъ за фудутункой и привелъ ее къ самому вагону. Фотографическій аппаратъ и стививъ онъ отъ меня взялъ и навѣсилъ на себя. Снарядившись такимъ образомъ, онъ крайне гордился своей ролью.

Званіе переводчика у китаецъ считалось почетнымъ. Жалованье за эту службу во время кампаніи они получали весьма различное—отъ десяти, пятнадцати рублей и до ста. Объ ихъ вѣрности и исполнительности всѣ отзывались съ похвалой, хотя бывали случаи, что они злоупотребляли своей ролью въ ущербъ своимъ же соотечественникамъ—обманывали и обирали ихъ именемъ русскихъ командировъ. Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ начальники смотрѣли сквозь пальцы на лихоимство переводчиковъ—они соглашались служить и за дешевую плату. Въ одной ротѣ пограничной стражи я зналъ переводчика, который получалъ тридцать конеекъ въ мѣсяцъ и щеголялъ въ новыхъ атласныхъ курмахъ, носилъ золотые часы, кольца и держалъ деньги на текущемъ счету въ китайскомъ банкѣ.

Войдя въ свою роль, Ванъ сразу сталъ относиться ко всѣмъ китаецамъ свысока. Начальническимъ тономъ онъ объяснилъ возницѣ фудутунки, куда и какъ намъ надо ѣхать, и властнымъ жестомъ приказалъ подставить для меня скамеечку, при помощи которой солидные китаецы влѣзаютъ въ фудутунку.

Едва ли найдется на свѣтѣ болѣе неудобный экипажъ, чѣмъ эта фудутунка. Любя старину, китаецъ не забывается объ улучшеніи его, и все стараніе экипажныхъ мастеровъ сводится къ чистотѣ отдѣлки въ тѣхъ случаяхъ, когда это нужно. Но по своему типу и конструкции богатая фудутунка нисколько не отличается отъ самой бѣдной. Рессоръ нѣтъ. Сидѣть приходится, поджавъ подъ себя

Городскія ворота.

ноги, на площадкѣ, которая на ровной дорогѣ, сообразно съ шагом лошади, качается спереди назадъ, такъ какъ ось одна и сидѣть приходится какъ разъ надъ ней. Но по неровной, то-есть по обыкновенной манчжурской дорогѣ, самое удобное вылезти прочь и идти рядомъ съ фудутункой, оставивъ тамъ изъ вещей только самыя прочныя и испытанныя по своей крѣпости. Русскіе, привыкшіе ко многимъ условіямъ китайской жизни, не могли привыкнуть къ двумъ вещамъ: трепангамъ (морскіе черви—одно изъ любимыхъ блюдъ китайцевъ) и фудутункамъ. При переѣздахъ отъ станцій въ города, русскіе предпочитали ѣздить на рикшахъ, въ полевыхъ двуколкахъ, въ лазаретныхъ фурахъ, въ артиллерійскихъ повозкахъ, верхомъ, но не въ фудутункахъ. Если это и случалось, то единственно для ознакомленія съ характернымъ экипажемъ, для чего совершенно достаточно сдѣлать одинъ конецъ или даже еще меньше.

Если же роковыя условія складывались такъ, что русскому волей-неволей приходилось ѣхать въ фудутункѣ, т. е. при отсутствіи другихъ экипажей, если накануне шелъ дождь и изъ двухъ золь приходилось выбирать меньшее, то пассажиръ обыкновенно садился рядомъ съ кучеромъ на оглоблю, гдѣ, по крайней мѣрѣ, можно свѣ-

животное впрягается очень глубоко и задъ мула приходится такъ близко, что, сидя на облучкѣ, можно облокотиться на него, какъ на ручку кресла.

Мѣстность отъ станціи до города менѣе заселена, чѣмъ передъ Тълиномъ, Мукденомъ и Ляояномъ. Дорога извивается между гаоляновыми и чумизными полями. Кое-гдѣ попадаются одинокія фанзы съ маленькими огородами, окруженными глинобитными заборами. Изъ года въ годъ удобряемые разными отбросами, эти огороды своею поверхностью всегда выше окружающей мѣстности. Кое-гдѣ въ полянахъ видѣются биваки нашихъ войскъ.

До города пять верстъ. Мы ѣхали около часа.

Въ Куанченцахъ нѣтъ такихъ башенъ, какъ въ Мукденѣ и въ Ляоянѣ, и въ него въѣзжаешь незамѣтно.

Квадратная стѣна, какъ во всѣхъ старыхъ городахъ Манчжуріи, оказалась внутри сильно разросшагося города.

Безконечныя вереницы арбъ, нагруженныхъ овощами, мѣхами, зерномъ, нашимъ казеннымъ грузомъ, позволяютъ двигаться по улицѣ съ постоянными остановками.

Я расплачиваюсь съ возницей и иду пѣшкомъ. Вань величественно шествуетъ впереди и расчищаетъ дорогу.

Событія въ Финляндіи. На площади у Сената, въ Гельсингфорсѣ: въ ожиданіи провозглашенія манифеста.

сить ноги. Надо замѣтить что манчжурская грязь такое ужасное явленіе природы, что всѣ остальные бѣдствія мѣстной жизни передъ нею ступеньваются. На эту тему можно написать цѣлую книгу.

Между прочимъ одинъ изъ служившихъ здѣсь горныхъ инженеровъ, послѣ потери Янтая и Фушуна, написалъ обстоятельное сочиненіе «Манчжурская грязь» и поѣхалъ въ Россію, чтобы ее издать. Но онъ такъ широко развилъ эту благодарную тему и дошелъ до такихъ подробностей, что ни одинъ издатели не рѣшился ее напечатать.

Мой переводчикъ остался очень недоволенъ, когда я велѣлъ ему сѣсть внутрь фудутунки, а самъ помѣстился рядомъ съ возницей. Онъ спеціально «для представительства» нанялъ не рикшу, а фудутунку. Возница, почтительно подставившій мнѣ передъ этимъ спамеечку, увидѣвъ меня, сидящаго съ нимъ рядомъ, сразу потерялъ ко мнѣ всякое уваженіе.

Дорога отъ станціи до города очень ходячиста и извилиста. Благодаря хорошимъ днямъ, было сухо, но при видѣ множества овраговъ, при глинистой почвѣ, легко повѣрить, что во время дождей колесное сообщеніе станціи съ городомъ немислимо.

На высокихъ подъемахъ возница соскакивалъ на землю, а на ровныхъ мѣстахъ подгонялъ своего мула кнутомъ и весьма характерно. Этотъ приемъ я замѣчалъ у всѣхъ возницъ фудутунокъ. Они не хлещутъ животное по бокамъ, какъ это принято у нашихъ извозчиковъ, а тычутъ его концомъ кнутовища по крупу. Кстати

Куанченцы славятся своими серебряными издѣліями. Я сказала переводчику, чтобы онъ меня повелъ въ одинъ изъ такихъ магазиновъ, и мы скоро, миновавъ пригородъ, входимъ въ ворота самаго города.

Большинство посѣтителей манчжурскихъ городовъ (въ силу положенія вещей исключительно офицеры и солдаты) не видятъ въ нихъ ничего кромѣ пыли.

Бывало, зовешь кого-нибудь изъ знакомыхъ офицеровъ въ Тълинъ или въ Инкоу побродить по китайскому городу, и слышишь стереотипный отвѣтъ:

— Да что тамъ хорошаго?.. Кромѣ пыли ничего нѣтъ!

— Неужели ничего?

— Что-жъ еще... Грязь и вонь.

Итакъ, кромѣ грязи и воню въ этой пестрой и безконечно разнообразной уличной жизни эти господа ничего не видѣли. Формула ихъ отношеній къ незнакомому народу, въ странѣ котораго имъ приходилось жить, была коротка и опредѣленна: «презрѣніе».

Но эти люди вовсе не были индифферентны ко всему на свѣтѣ. Были мотивы, которые ихъ жадно интересовали. Отъ Артура до Харбина во всѣхъ русскихъ поселкахъ можно было легко разыскать постройки съ тусклыми заплатами, уставленными столами, гдѣ стѣнки и полъ были пропитаны запахомъ водки и вина, гдѣ воздухъ былъ однимъ пьянымъ дыханіемъ. Здѣсь красовались дамы, неизвѣстно какими путями и средствами проникшія сюда черезъ станцію Манчжурію. Въ этихъ темныхъ углахъ оставались деньги,

которые никогда не снились петербургским рестораторамъ. Но никакіе расходы не останавливали стремящихся сюда посѣтителей, и ихъ тонкое обоняніе не слышало здѣсь вони, тонкая наблюдательность не замѣчала грязи и тонкій вкусъ не чувствовалъ грубаго безобразія, несмотря на то, что рѣдкая недѣля обходилась безъ скандаловъ съ употребленіемъ и безъ употребленія холоднаго или огнестрѣльнаго оружія.

Изъ многихъ сотенъ офицеровъ, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться за время кампаніи, я зналъ только одного, который интересовался презрѣнной «китайщиной» и считалъ, что это не только поучительно для самого себя, но даже необходимо въ общественномъ смыслѣ въ манчжурскомъ вопросѣ.

Абсолютное незнаніе китайскаго языка показало свои тяжелыя неудобства въ теченіе кампаніи. Недружелюбныя отношенія были причиной постоянныхъ жалобъ офицеровъ на то, что китайцы тяготеютъ къ японцамъ и относятся къ намъ враждебно. Это объяснялось расовымъ родствомъ между японцами и китайцами. Но это слишкомъ теоретическое объясненіе. Раса тутъ ни при чемъ. Разбитому и разоренному населенію, и при томъ въ одинаковой степени, какъ съ той такъ и съ другой стороны, было вовсе не до соображеній о расовомъ родствѣ. Ближе былъ тотъ, кто, изучивъ ихъ языкъ, умѣлъ съ ними говорить и заранѣе выbralъ между ними сторонниковъ. Бѣжавшіе изъ Мукдена и Ляояна вслѣдствіе денежныхъ связей наши подрядчики и переводчики—китайцы, несмотря на свойственную китайцамъ осторожность, имѣли мужество утверждать, что населеніе очень довольно отношеніемъ къ нимъ японцевъ, то самое сельское населеніе, которое было индифферентно или враждебно по отношенію къ русскимъ.

Симпатіи торговаго сословія въ городѣ совершенно особаго рода. Швыряя деньгами русскихъ офицеровъ поставило ихъ внѣ конкурса, и они навсегда останутся для китайцевъ желанными, «шибко богатыми», друзьями.

Но надо полагать, что практичные японцы въ своемъ районѣ противъ такой хотя и бессознательной съ нашей стороны, но невыгодной для нихъ «покупки друзей» примутъ свои мѣры.

Жестокости, о которыхъ говорили про японцевъ, не касаясь ихъ цѣлесообразности, все-таки имѣли цѣлью уничтожить въ корнѣ среди населенія симпатіи къ русскимъ. До прекращенія военныхъ дѣйствій было много случаевъ казни нашихъ переводчиковъ. Между прочимъ конторщикъ одной здѣшней торговой фирмы, бѣжавшій изъ Тѣлина послѣ нашего отступленія, рассказывалъ мнѣ, какъ на его глазахъ казнили моего бойку-переводчика, пятнадцатилѣтняго

Безпорядки въ Вѣнѣ 2 ноября с. г. Конная полиція разгоняетъ манифестантовъ-забастовщиковъ.
Рис. В. Гаузе.

Хаю-сай, о которомъ мнѣ приходилось говорить въ своихъ корреспонденціяхъ.

Но въ остальныхъ случаяхъ японцы явились въ Манчуріи устроителями порядка и друзей; они покупаютъ не щедростью, а строгой законностью и регулярностью въ отношеніяхъ съ китайцами. Теперь, когда въ Манчуріи японцы стали нашими соседями и въ ожиданіи, что Китай начнетъ расти, какъ вооруженная нація, симпатіи китайскаго населенія становятся для насъ еще болѣе необходимыми, чѣмъ прежде, такъ какъ оно является неизбѣжнымъ посредникомъ между нами и японцами.

А для подготовки этой симпатіи одного «индифферентнаго презрѣнія» слишкомъ мало.

Нечего и говорить, что китайцы очень довольны заключеніемъ мира.

Когда я вошелъ въ ворота Куанчендзы, то первое, что мнѣ бросилось въ глаза, была толпа китайцевъ передъ большою афишей, наклеенной на стѣнѣ дома.

Мы подошли поближе. Афиша перечитывалась. Шли толки, соображенія.

— Что тутъ написано?—спросилъ я у переводчика.

Онъ долго смотрѣлъ на афишу, прислушивался къ разговорамъ и, наконецъ, объяснилъ:

— Это отъ нашего китайскаго начальства. Война кончалась... Японскіе люди придутъ сюда, на станцію Куанчендзы, и будутъ вмѣстѣ—японскіе и русскіе люди...

Увидѣвъ русскаго съ переводчикомъ, разговоры и толки въ толпѣ стали сдержаннѣе.

Я много бы далъ, чтобы, зная языкъ, вмѣшаться одному въ эту толпу и понять замѣчанія, шутки, усмѣшки и словечки, какъ отголоски народнаго мнѣнія. На переводчика положиться было нельзя, во-первыхъ, потому, что онъ могъ не сказать правды, а въ лучшемъ случаѣ—не былъ бы въ состояніи перевести на русскій языкъ характерныхъ и трудно переводимыхъ отбѣнковъ народнаго рѣчи.

И настроеніе толпы оставалось для меня тайной. И для меня, и для тѣхъ офицеровъ, которые проходили мимо и даже не обратили вниманія на собравшуюся толпу, которая въ эту минуту, можетъ быть, говорила какъ разъ объ русскихъ офицерахъ, объ этихъ вершителяхъ манчжурской эпопеи.

— А когда сюда, въ Куанчендзы, придутъ и русскіе, и японцы—кого китайцы будутъ больше любить?—спросилъ я у своего переводчика.

Студенческіе безпорядки въ Вѣнѣ. Студенты нѣмецкой національности изгоняютъ изъ университета студентовъ другихъ національностей. Рис. В. Гаузе.

Онъ улыбнулся и отвѣтилъ, подумавъ:

— Моя русскіе люди знай, а японскіе моя не знай...

Мы отошли на другую сторону улицы, и толпа сразу увеличилась. Подошла даже «мадама», которая избѣгаетъ показываться на улицѣ, а въ особенности молодымъ. Эта была пожилая. Она спросила у одного изъ толпы, въ чемъ дѣло, и, узнавъ, что дѣло касается политики, равнодушно махнула рукой и стала торговаться съ продавцомъ помедоровъ, который въ ряду съ другими лотками помѣстился у дороги.

В. Табуринъ.

Норвежская королевская чета.

(Съ 2 портр. на стр. 903).

Послѣ того, какъ король Оскаръ II официально отклонилъ предложеніе стортинга, — передачу вакантнаго норвежскаго престола одному изъ принцевъ дома Бернадотовъ, — норвежцы получили полную свободу дѣйствій въ отношеніи выбора образа правленія. Это былъ рѣдкій, почти единственный въ своемъ родѣ историческій моментъ, которымъ они могли воспользоваться для провозглашенія у себя республики. — формы правленія, считающейся самою удобною для небольшихъ государствъ. Но свободный демократическій норвежскій народъ, опрошенный путемъ обще-народнаго голосованія, подавляющимъ большинствомъ голосовъ высказался за сохраненіе монархіи. Изъ поданныхъ 330.000 голосовъ только 69.000, или 21%, были за республику.

Такимъ образомъ, къ числу самостоятельныхъ монархическихъ странъ Европы прибавилась еще одна — королевство Норвежское. На вакантный престолъ норвежскій призванъ датскій принцъ Карлъ, членъ голштейнъ-зондербургъ-глоксбургскаго дома. Несмотря на меньшинство республиканскихъ голосовъ, можно смѣло сказать, что за принца Карла высказалось единодушно все норвежское населеніе, такъ какъ предшествовавшая избранію его борьба была исключительно принципиальная; противъ личности же Карла никто, даже убѣжденные республиканцы, ничего не имѣютъ.

При современномъ конституціонномъ образѣ правленія, ограничивающемъ королевскую власть и не требующемъ отъ главы госу-

дарства ни военныхъ подвиговъ, ни гениальныхъ способностей, а только искренняго желанія содѣйствовать благу страны и любви къ своему народу, принцъ Карлъ, какъ членъ династїи, родственной и дружественной Данїи съ одной стороны, и зять правителя могущественной Англїи — съ другой, явился самымъ подходящимъ и единственнымъ кандидатомъ на норвежскій тронъ.

Принцъ Христіанъ-Фредрикъ-Карлъ-Георгъ-Вальдемаръ, второй сынъ датскаго кронпринца Христіана Фредрика, родился 3 августа 1872 г. Получивъ всестороннее образованіе, какъ общее, такъ и специально военное, онъ, подобно всемъ мужскимъ членамъ датскаго королевскаго дома, поступилъ на военно-морскую службу, гдѣ въ послѣднее время состоялъ капитаномъ, получая обычное, болѣе чѣмъ скромное, жалованье — 2.200 кронъ (около 1.160 руб.) въ годъ. Бывшіе школьные товарищи его и сослуживцы отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ скромномъ, чрезвычайно простомъ въ обращенїи, трудолюбивомъ и преданномъ своему дѣлу. Мало общительный и несловоохотливый, онъ, правда, не пользуется въ Копенгагенѣ шаблонной популярностью, но знающіе его близко не могутъ нахвалиться его изысканною любезностью, добродушіемъ, искренностью и простотою. Какъ дѣльный, опытный морякъ и любитель парусной гонки, онъ является особенно по вкусу норвежцамъ.

Супруга принца Карла, самая младшая дочь англїйскаго короля Эдуарда VII, Модъ-Шарлотта-Мари-Викторїя, старше его на три года: она родилась 26 ноября 1869 г.

«По временамъ, — писала она однажды: — меня сильно тяготитъ мое высокое происхожденіе, въ особенности, когда люди съ удивленїемъ смотрятъ на меня, какъ на восковую фигуру». Эти нѣсколько словъ заключаютъ въ себѣ вѣрную самохарактеристику принцессы. Свое дѣтство она провела вдали отъ столицы въ уединенномъ замкѣ Сандрингамъ въ Норфолькѣ и долго не принимала участія въ придворной жизни. Она и теперь не любитъ выѣздовъ и шумныхъ баловъ, предпочитая тихую, уютную обстановку въ кругу семьи и родныхъ. Подобно своему мужу, и она любитъ спортъ, преимущественно верховую ѣзду и ѣзду на

Войсковой старшина 1 Уманскаго казачьяго полка полк. Глинскій, раненый въ отрядѣ ген. Мищенко; за боевыя отличія награжденъ золотымъ оружіемъ.

Команд. пулеметной роты 5 Вост.-Сиб. стрѣлк. дивизїи капитанъ Ф. И. Осиповъ, за боевыя отличія награжденный орд. св. Анны и Станислава 2 ст. съ мечами.

Капитанъ 213 Оровайскаго пѣх. полка Л. Е. Руцевскій, раненый у дер. Шаоулинцзы 19 фев. 1905 г.; остался въ строю, награж. орд. св. Анны 4 ст. за храбрость.

Капитанъ 11 Вост.-Сиб. стр. полка Е. П. Дьюковскій, убитый шрапнелью въ бою подъ Мукденомъ.

Капитанъ 25 Вост.-Сиб. стр. полка Шеметилло, сгорѣвшій во время бомбардировки укрѣпленія № 3 въ Портъ-Артурѣ.

Капитанъ 33 Елецкаго пѣх. полка А. П. Григоренко, скончавшійся отъ ранъ, полученныхъ въ бою при дер. Сяотхозы.

Поручикъ 100 Островскаго пѣх. полка И. Ф. Григорьевъ, раненый въ бою подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ 13 Вост.-Сиб. стр. полка В. И. Трубинъ, убитый при защитѣ Портъ-Артура.

Шт.-кап. 20 Вост.-Сиб. пѣх. полка В. А. Кудрявцевъ, ран. подъ Шахэ, по излеченїи возвратъ въ строй и вторично ран. при Мукденѣ; награж. орд. св. Анны 4 ст. и Станисл. 3 ст.

Поручикъ 23 Вост.-Сиб. стр. полка Н. Г. Лапинскій, раненый у сел. Кудязы.

Подпор. В. К. Алексѣевъ, адъют. штаба 7 див., сост. при ген. Кондратенко, отбылъ всю осаду Портъ-Артура; награж. орд. св. Анны 4 и 3 ст., св. Станисл. 3 и 2 ст. съ мечами и орд. Влад. 4 ст.; нах. въ плѣну.

Лейт. Н. А. Максимовъ, за мужество и распорядительность, проявленныя при отраженїи штурма японцевъ на редутъ № 1 Портъ-Артурскихъ укрѣпленій, награж. орд. св. Георгія 4 ст.

велосипедъ. Она съ большимъ интересомъ слѣдитъ за современною художественною литературою и даже сама, подъ псевдонимомъ Graham Irving, написала небольшую пьесу. 22 июля 1896 г. состоялось бракосочетаніе ея съ принцемъ Карломъ, котораго, какъ двоюроднаго брата, она знала, еще будучи ребенкомъ.

Только два года тому назадъ у нихъ родился сынъ Александръ, будущій король Норвегіи, которому они преимущественно и обязаны восшествіемъ на нор-

Новый король Норвежскій Гааконъ VII и его супруга.

вежскій престолъ. Новый король Норвегіи принялъ имя Гаакона VII.

Польскій вопросъ въ современной Европѣ.

(Политическое обозрѣніе).

Вслѣдъ за удовлетвореніемъ финляндскихъ требованій нельзя было ожидать возникновенія автономистическаго движенія и въ Польшѣ. Оно быстро развилось и успѣло охватить всѣ слои польскаго общества, но влѣдствіе обилія войскъ, сосредото-

Министръ торговли В. И. Тимирязевъ.

Министръ народнаго просвѣщенія графъ И. И. Толстой.

Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода князь А. Д. Оболенскій.

Государственный контролеръ Д. А. Философовъ.

Министръ финансовъ И. И. Шиповъ.

Министръ путей сообщенія К. С. Немшаевъ.

Новые министры.

точенных на западной окраинѣ, а можетъ-быть и благодаря такой случайности, какъ большая устойчивость въ личныхъ взглядахъ варшавскаго генераль-губернатора, не похожаго на своего финляндскаго коллегу, встрѣтило со стороны русской власти совершенно иное отношеніе, чѣмъ сепаратистскія стремленія лояльныхъ даже въ революціонныхъ актахъ финляндцевъ. Строго говоря, внутреннія реформы Финляндіи чрезвычайно мало затрагиваютъ русскіе интересы. Съ точки зрѣнія военной Финляндія не даетъ Россіи никакой помощи, такъ какъ выработанный генераломъ Куропаткинѣмъ законъ о распространѣніи воинской повинности на Финляндію, еще раньше былъ отмѣненъ по ходатайству финляндцевъ, представленному генераль-губернаторомъ кн. Оболенскимъ. Въ экономическомъ отношеніи Финляндія, отдѣленная отъ Россіи довольно высокими таможенными тарифомъ, давала намъ еще меньше, а если вспомнить эпоху императора Александра I-го, то, пожалуй, даже стоила русской казнѣ огромныхъ и совершенно непроизводительныхъ затратъ. Чуждое по крови и духу населеніе суровой страны, имѣющее свою культуру, несомнѣнно должно имѣть также извѣстную независимость своего общественаго и политическаго быта. Задача русскаго государства заключалась вовсе не въ подавленіи финляндской національности, не въ насильственномъ обрусеніи подвластныхъ племенъ, а въ распространѣніи на нихъ тѣхъ благъ, глубоко демократической государственности, которая составляла тайну внутренней силы, роста и живучести самой Россіи. Но, отойдя отъ этихъ основныхъ началъ своего политическаго бытия, Россія внутренне ослабла и не могла уже принести ничего благого въ жизнь иноплеменныхъ окраинъ. Свою культурно-политическую роль въ Финляндіи она сама безъ спора и сопротивленія признала законченною. Въ Польшѣ, въ эпоху ея гуманнаго преобразователя Николая Милютина, поставившаго въ основу русской политики защиту интересовъ польскихъ крестьянъ, свободу польскаго языка, вѣроисповѣданія и неприкосновенность національнаго быта, были заложены прочныя основы русскаго владычества, но къ сожалѣнію великія начинанія 60-хъ годовъ не получили дальнѣйшаго развитія и быстро смѣнились съ одной стороны близорукой политикой репрессій,

а съ другой — попытками призрачнаго примиренія съ польскою аристократіею и буржуазіею. Утрата завѣтовъ демократическаго служенія обезсилила Россію и въ центрѣ и на окраинахъ. Последніи начинаютъ все настойчивѣе и настойчивѣе стремиться къ обособленію именно потому, что Россія не оказалась на высотѣ своей культурно-государственной миссіи. Но вопросъ объ автономіи Польши и представляетъ свои особыя трудности. Во-первыхъ, поневолю приходится считаться съ узми племенного родства, заставляющими и русскихъ и поляковъ помнить о своемъ братствѣ и о своихъ обязанностяхъ передъ остальными славянскими народами. Во-вторыхъ, то или иное рѣшеніе польскаго вопроса въ Россіи не можетъ не отразиться на судьбахъ сосѣднихъ съ нами государствъ — Германіи и Австріи, въ составъ которыхъ отошли огромныя части раздѣленной Польши. Провозглашеніе польскою автономіи тотчасъ же неизбежно вызоветъ революціонное броженіе въ Познани и Галиціи, такъ какъ германскіе и австрійскіе поляки непременно захотятъ присоединиться къ своему возрожденному отечеству. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что проекты внутреннихъ реформъ въ нашихъ привислинскихъ губерніяхъ тотчасъ же сдѣлались предметомъ международнаго обсужденія австрійскихъ и германскихъ газетъ. Они полны самыхъ сенсационныхъ слуховъ объ энергичныхъ воздѣйствіяхъ германскаго императора на рѣшеніе русской государственной власти. Здравый и точный учетъ реальныхъ политическихъ условій заставитъ поляковъ идти къ достиженію завѣтной цѣли не путемъ насилій, а путемъ законныхъ ходатайствъ. Если революція невозможна, то и жестокая реакція, открыто попирающая человѣчскія права дѣльныхъ племенъ и народовъ, по нынѣшнимъ временамъ, тоже уже немислима. Святость высшихъ этическихъ и правовыхъ началъ заставила Швецію безропотно согласиться на отторженіе Норвегіи, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки принудить ее къ покорности силою оружія. Вообще въ XX вѣкѣ человечеству предстоитъ великій трудъ пересмотра политическаго положенія всѣхъ народностей съ точки зрѣнія нравственныхъ началъ. То, что до сихъ поръ рѣшалось только силою оружія, будетъ заново перерѣшено на основахъ священной справедливости.

ВЫСОЧАЙШІЕ МАНИФЕСТЫ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

I.

Разсмотрѣвъ окончательно всеподданнѣйшую петицію земскихъ чиновъ Финляндіи отъ 31-го декабря 1904 года о мѣрахъ къ восстановленію закономѣрнаго порядка въ краѣ, Мы признали ихъ заслуживающими Нашего вниманія и подлежащими осуществленію. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ развитіе установленныхъ основными законами правъ финскаго народа, Мы Высочайше повелѣли составить проекты важныхъ преобразованій основныхъ законовъ на предметъ передачи таковыхъ представителямъ народа.

Вслѣдствіе сего Мы повелѣваемъ приостановить дѣйствіе основныхъ положеній, объявленныхъ при Нашемъ манифестѣ отъ 3-го (15-го) февраля 1899 года, пока затронутые въ нихъ вопросы не будутъ урегулированы законодательнымъ актомъ, и отмѣнить постановленіе отъ 2-го апрѣля 1903 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, съ разъясненіями и дополненіями къ оному, и повелѣніи отъ 10-го ноября 1903 года, коими отдѣльному корпусу жандармовъ предоставлены служебныя права въ Великомъ Княжествѣ; пунктъ 12 постановленія отъ 10-го іюля 1902 года объ измѣненіи формъ и порядка обнародованія узаконеній и правительственныхъ распоряженій въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ; постановленіе отъ 8-го сентября 1902 года объ измѣненіи въ нѣкоторыхъ частяхъ учрежденія Императорскаго финляндскаго сената, постановленіе отъ того же числа о расширеніи полномочій губернаторовъ Финляндіи и постановленіе отъ 26-го марта 1903 года объ утвержденіи инструкцій финляндскому генераль-губернатору и его помощнику, равно какъ постановленіе отъ того же числа объ измѣненіи инструкцій губернаторамъ и уставъ о воинской повинности отъ 12-го іюля 1901 года, постановленіе отъ 31-го іюля 1902 года объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ, касавшихся службы чиновъ гражданскаго вѣдомства въ Финляндіи, постановленіе отъ 14-го августа 1902 года о порядкѣ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ, постановленіе отъ того же числа о порядкѣ возбужденія судебнаго преслѣдованія за служебныя преступленія должностныхъ лицъ и постановленіе отъ 2-го іюля 1900 года о публичныхъ собраніяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Мы повелѣваемъ сенату немедленно присту-

пить къ пересмотру остальныхъ требующихъ измѣненій и перечисленныхъ въ петиціи постановленій.

Независимо отъ сего Мы признали за благо Высочайше поручить сенату:

1) Составить проектъ новаго Сеймоваго устава въ смыслѣ современнаго преобразования организаціи финскаго народнаго представительства, съ примѣненіемъ началъ всеобщаго и равнаго права подачи голосовъ при избраніи народныхъ представителей.

2) Выработать проекты основныхъ законоположеній, предоставляющихъ народному представительству право вѣрить закономѣрность служебныхъ распоряженій членовъ правительства и обезпечивающихъ гражданамъ края свободу слова, собраній и союзовъ; и

3) Составить проектъ закона о свободѣ печати и немедленно издать объявленіе о прекращеніи дѣятельности предварительной цензуры.

Проекты эти, по коимъ уже отчасти совершены подготовительныя работы, Мы ожидаемъ отъ сената столь своевременно, чтобы они могли быть переданы земскимъ чинамъ на томъ чрезвычайномъ сеймѣ, созывъ котораго Мы одновременно съ симъ повелѣли.

Мы твердо уповаемъ, что намѣченныя Нами мѣры, внушенныя попеченіемъ о благѣ Финляндіи, послужатъ къ укрѣпленію узъ, соединяющихъ финскій народъ съ его Монархомъ.

Въ Петергофѣ. 22-го октября (4-го ноября) 1905 года.

«НИКОЛАЙ».

II.

На основаніи Сеймоваго устава отъ 3-го (15-го) апрѣля 1869 года, Мы симъ Высочайше повелѣваемъ открыть 7-го (20-го) декабря 1905 года въ гор. Гельсингфорсѣ чрезвычайный сеймъ, для разсмотрѣнія нижеслѣдующихъ дѣлъ:

1. Предложеній объ ассигнованіи средствъ на разные расходы въ 1906 и 1907 годахъ и о взиманіи потребныхъ для сего временныхъ налоговъ, а также о заключеніи государственнаго займа, преимущественно на желѣзнодорожныя сооруженія.

2. Проекта новаго основнаго закона о народномъ представительствѣ въ Финляндіи на началахъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, съ установленіемъ отвѣтственности мѣстныхъ правительственныхъ органовъ передъ народными представителями края.

3. Проекта основныхъ законоположеній, въ частности о свободѣ печати, собраній и союзовъ.

Ожидая отъ всѣхъ и каждаго точнаго исполненія сей Монаршей воли Нашей, пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

Въ Петергофѣ. 22-го октября (4-го ноября) 1905 года.

«НИКОЛАЙ».

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Невѣста Варвара. Повесть И. Н. Потаненко. (Продолженіе). — Мадригалъ. Стихъ. Георгія Аркатова. — Одуванчикъ. Стихъ. Георгія Аркатова. — Дыханіе гнѣва. Стихъ. П. М. Попова. — Презрѣнная Китайщина. (Отъ нашего спеціального корреспондента) В. Табурина. — Норвежская королевская чета. — Польскій вопросъ въ современной Европѣ. (Политическое обозрѣніе). — Высочайшіе манифесты. — Объявленія.
 РИСУНКИ: Зима. — Мадригалъ. — Одуванчикъ. — На сѣновалѣ. — Въ статьѣ „Презрѣнная Китайщина“: 1) Пригородъ. 2) Станція. 3) Уличная торговля. 4) Пригородъ. 5) Станція б. Городскія ворота. — Событія въ Финляндіи. На площади у Сената, въ Гельсингфорсѣ: въ ожиданіи провозглашенія манифеста. — Безпорядки въ Вѣнѣ 2 ноября с. г. Коунная полиція разгоняетъ манифестантовъ-забастовщиковъ. — Студенческіе безпорядки въ Вѣнѣ. Студенты нѣмецкой національности изгоняютъ изъ университета студентовъ другихъ національностей. — Учасники минувшей войны. — Новый король Норвежскій Гааконъ VII и его супруга. — Новые министры. 1) Министръ торговли В. И. Тимирязевъ. 2) Министръ народнаго просвѣщенія И. И. Толстой. 3) Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода князь А. Д. Оболенскій. 4) Государственный контролеръ Д. А. Философовъ. 5) Министръ финансовъ И. И. Шиговъ. 6) Министръ путей сообщенія К. С. Немъшаевъ.
 Нѣ этому № прилагается: „Гонимаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Шедрина“ книга 9.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

